

БИБЛИОТЕКА

Театра

и

Искусства

СОДЕРЖАНІЕ: Блестящая пыль. Пов. изъ жизни соврем. писателей, художниковъ и актеровъ *В. Берента* (продолженіе).—Драматическое искусство и артисты д-ра *Гатемана*, перев. *П. П. Немеродова* (продолженіе).—Стихотворенія. *Вл. Гиляровскаго*, *З. Бухаровой*.—Среди любителей. *Н. Викторова*.—Русская одежда. Монологъ-шутка *В. В. Билибина*.—Рабство. Ком. въ 4 д. *Е. Зеландъ* (*Дубельтъ*).

МАРТЪ. — КНИГА ШЕСТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. Т-ва Печати. и Издат. дѣла «Трудъ». Фонтанка, 86.

1904.

Среди любителей.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весной, придя къ себѣ домой, я нашелъ на письменномъ столѣ визитную карточку съ надписью: „былъ по театральному дѣлу“. На карточкѣ значилось имя, отчество и фамилія одного моего стараго знакомаго, жившаго въ провинціи и совсѣмъ не имѣвшаго, насколько я зналъ, отношенія къ театру. Удивившись не столько неожиданности визита, какъ его поводу, я съ особеннымъ терпѣніемъ увидѣться послѣ долгой разлуки сталъ ждать завтрашней встрѣчи. Ровно въ три часа мой знакомый предсталъ передо мною. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, заключавшагося во взаимныхъ освѣдомленіяхъ о здоровьѣ и общемъ ходѣ дѣлъ, онъ, не дожидаясь съ моей стороны вопроса, прямо заявилъ: „вотъ-съ пришелъ по дѣльцу“.

— Да, да читаль. Ужъ не антрепризой ли хотите заняться, или, чего добраго, сами на сцену пойти задумали?—пошутилъ я.

— Нѣтъ, видите-ли, дѣло другого рода. Пришелъ звать васъ къ намъ въ Энскъ.

— Ахъ, васъ, вѣроятно, просилъ антрепренеръ. Тамъ вѣдь снялъ Х.

— Нѣтъ, собственно говоря, я отъ себя, то-есть отъ нашего общества. Дѣло, видите-ли въ томъ, что у насъ въ Энскѣ существуетъ „общество любителей возвышенныхъ искусствъ“. Четыре секціи.

— Прекрасно. Слѣдовательно, у васъ имѣется кружокъ любителей?—сказалъ я.

— Избави Богъ!—такъ и подскокилъ мой собесѣдникъ.— Всякаго рода любительскихъ спектаклей — эти слова были сказаны съ особеннымъ презрѣніемъ—и у насъ вполне достаточно, а я говорю вамъ про „общество любителей возвышенныхъ искусствъ“. Дѣло совсѣмъ иное. Изволите видѣть. До сей поры мы рассчитывали на свои силы. Отъ этого были нерѣдки промахи въ режиссерскомъ отношеніи, да и вообще, возникали различнаго рода неудобства. Но все болѣе развивающаяся дѣятельность общества даетъ намъ возможность пригласить платнаго руководителя для постановки спектаклей. Я позволилъ себѣ указать совѣту старшинъ на васъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—поклонился я.—Но право, это все такъ неожиданно. Не знаю, что вамъ и отвѣтить. Расскажите, пожалуйста, подробнѣе.

— Видите ли, начнемъ съ общаго указанія: положеніе въ настоящее время таково, что театральное дѣло въ Россіи находится въ рукахъ антрепренеровъ, актеровъ и тому подобныхъ профессиональных дѣятелей, имѣющихъ въ виду, хотя бы уже въ силу своей профессиональности, главнымъ образомъ цѣли меркантильныя. Теперь представьте себѣ, дѣло находится въ рукахъ любителей. Понимаете-ли вы? Любителей въ самомъ лучшемъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова? Никакихъ матеріальныхъ стремленій, слѣдовательно, полная возможность вести чисто художественный репертуаръ при условіи самой тщательной срепетовки. Теперь вы понимаете, какое положеніе я предлагаю вамъ занять? Вы будете дѣйствительно во главѣ дѣла, не во главѣ труппы, то-есть людей малоинтеллигентныхъ и лишь усвоившихъ извѣстнаго рода пошлые шаблоны, а во главѣ, такъ сказать, уметвенной аристократіи мѣстнаго общества, людей, готовыхъ слѣдовать всякому замѣчанію руководителя, хотя бы это и уничтожало такъ называемые эффекты отдѣльной роли.

— Однако кто же, собственно, у васъ играетъ? Вѣроятно, контингентъ исполнителей чрезвычайно великъ?

— Нѣтъ, этого не могу сказать. За послѣднее время, наоборотъ, раздаются постоянныя жалобы, что кругъ исполнителей, а въ особенности исполнительницъ значительно сузился. Притокъ новыхъ силъ крайне желателенъ, и въ этомъ случаѣ мы особенно возлагаемъ надежды на васъ.

Мы надѣемся, что вы твердой рукой установите извѣстный внутренний распорядокъ, который дастъ возможность привлечь къ участию въ спектакляхъ дѣйствительно наиболѣе интересныя силы мѣстнаго общества.

— Такъ,—протянулъ я.

— О степени же опытности того или иного изъ любителей нечего и говорить. За послѣдніе два, три года мы давали свыше тридцати спектаклей въ сезонъ.

— И что же у васъ шло? Островскаго, поди, всего переиграли да, чего добраго, добрались и до Шекспира?

— Нѣтъ, шекспировскихъ вещей мы пока не играли, а Островскаго ставили, хотя и не очень много. Я заранѣе предвидѣлъ вашъ вопросъ и захватилъ маленькій списочекъ пьесъ, игранныхъ въ прошломъ году. Вотъ извольте послушать: „Фальшивомонетчикъ“, „Безъ вины виноватые“, „Клятва у гроба“, „Преступница“, „Вторая молодость“, „Полночь на кладбищѣ“ „Внуки Ванюшина“...

Онъ слегка замялся, сконфузился и затѣмъ прибавилъ:

— Разумѣется, мы допускали нѣкоторыя весьма досадныя уклоненія съ намѣченнаго пути. Но теперь нами учрежденъ особый театральный комитетъ для выработки репертуара. Да... Извольте видѣть... Такъ возвращаясь къ вопросу о силахъ нашего общества, не могу не сказать, что отдѣльные исполнители стоятъ на весьма большой высотѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ на роли злодѣевъ...

— Какъ вы изволили выразиться?—переспросилъ я.

— На роли фатовъ,—поправился Валеріанъ Ивановичъ.— Фатовъ, фатовъ. Такъ его послѣ „Демона“ прямо таки на рукахъ вынесли.

— Послѣ „Демона“. Опера?

— О нѣтъ, драма „Демонъ“. „Демонъ или Тайны графа Сень-Жерменъ“.

И поймавъ мой взглядъ, прибавилъ:

— Да, но я уже вамъ говорилъ, что предстоитъ коренное измѣненіе. Такъ, репертуаръ всецѣло зависѣлъ отъ режиссера—онъ называлъ фамилію одного стараго провинціальнаго актера.—Но именно изъ-за репертуара и вышли нелады. Большинство изъ насъ—ручаюсь—смотреть на дѣло крайне возвышенно.

Въ заключеніе Валеріанъ Ивановичъ предложилъ мнѣ намѣтить репертуаръ, со своей стороны заранѣе ручаясь, что выработанное мною цѣликомъ будетъ одобрено комитетомъ. Я задалъ нѣсколько вопросовъ о сценѣ, декораціяхъ, освѣщеніи и т. д., и мы разстались, условившись встрѣтиться черезъ два дня, которые были даны мнѣ на размышленіе.

Странное чувство охватило меня, когда я остался одинъ. Съ одной стороны я ясно сознавалъ, что въ самой основѣ ихъ дѣла лежитъ какая-то фальшь и, быть можетъ, фальшь непоправимая. А съ другой стороны... имѣть свое дѣло! Самому режиссировать, ставить въ полномъ смыслѣ этого слова, отдаваясь дѣлу всей душой, радуясь приобрѣтенію каждой новой бутафорской вещицы. Однимъ словомъ имѣть хоть маленькое, но „свое“ дѣло. Кто изъ насъ не мечталъ объ этомъ? А какъ же „Тайна графа Сентъ-Жерменъ“? И потомъ „контингентъ исполнителей слишкомъ узокъ“, значить пять, шесть человѣкъ захватили дѣло въ свои руки и никого болѣе не допускаютъ. А чѣмъ мы откроемъ сезонъ? Не поставитъ ли „Геншеля“? вдругъ пришло мнѣ на умъ. Мнѣ вспомнилась пьеса въ постановкѣ нѣмецкой труппы Бока съ Адольфомъ Клейномъ и Лоттой Виттъ въ главныхъ роляхъ. На маленькой сценѣ еще легче добиться желаемой жизненности обстановки. Планы отдѣльныхъ сценъ съ полной живостью рисовались въ моей головѣ. Я началъ задумывать „свою“ компановку. Мнѣ рисовались споры съ любителями объ отдѣльныхъ деталяхъ. Четвертый актъ будемъ репетировать специально вечера три-четыре, рѣшилъ я. Я не могъ оторваться отъ этихъ плановъ или скорѣе мечтаній. Меня охватывало волненіе при мысли, что я все-таки молодой актеръ, не имѣющій нужной для режиссера опытности. Но что же, посоветуюсь, подготовлю пьесы. Надо будетъ завтра же сходить къ Л., рѣшилъ я напоследокъ, онъ опытный артистъ и сразу мнѣ скажетъ, стоитъ ли пойти на это дѣло. Когда я на другой день все это высказалъ Л., онъ выслушалъ меня весьма внимательно, но затѣмъ поразилъ своимъ отвѣтомъ.

— Да-съ, все это очень мило,—сказалъ онъ.—Но все-таки я такъ полагаю, что вы весьма скоро отъ нихъ удерете.

— Что вы? Да почему? Я разработаю репертуаръ, затѣмъ мы вмѣстѣ...

— Повидимому вы окончательно рѣшили ѣхать. Что же, все такъ интересно, наберетесь впечатлѣній. Приходите потомъ подѣлиться.

— Но я думаю работать.

— Подавай вамъ Богъ! Но по моему крайнему разумѣнію, съ любителями вести дѣло невозможно. Безконечныя притязанія, вѣчныя дразги.

— Но тутъ не любительскій кружокъ, а прочно организованное едва-ли не единственное общество въ Россіи, и я надѣюсь...

— Если надѣетесь, поѣзжайте.

Я ушелъ совершенно обезкураженный. Первою мыслью моею было сейчасъ-же написать отвѣтъ, что, молъ, нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства лишаютъ меня возможности принять крайне лестное предложеніе. Но затѣмъ я разсудилъ, что стоитъ хоть изъ любопытства поговорить лишній разъ, быть можетъ, откроются совсѣмъ новыя обстоятельства?

Когда ко мнѣ явился Валеріанъ Ивановичъ, я съ полной откровенностью высказалъ ему всѣ сомнѣнія. Онъ отвѣчалъ мнѣ весьма пространно. Онъ сказалъ, что въ основу сужденій людей, отговаривавшихъ меня отъ принятія предложенія его, говорить полное незнакомство съ дѣломъ. Они имѣютъ въ виду кружокъ, собравшійся совершенно случайно, а не людей, связанныхъ единствомъ культурныхъ стремленій.

— „Полночь на кладбищѣ“, не удержался я.

— Это было, но это не повторится,—рѣшительно заявилъ Валеріанъ Ивановичъ.—Мы избрали комитетъ, на обязанности коего лежитъ выработка репертуара. Наконецъ мы зовемъ васъ къ первому августу, а открытіе сезона можетъ воспослѣдовать лишь къ сентябрю. Цѣлый мѣсяцъ репетицій! Неужели это не свидѣтельствуетъ о лучшихъ нашихъ намѣреніяхъ? Къ тому же недѣли черезъ двѣ вы вышлете помѣченный вами репертуаръ. И, я васъ увѣряю, онъ будетъ принятъ цѣликомъ. Съ своей стороны рекомендую вамъ придерживаться Островскаго, Чехова, Гауптмана, Мольера. Не худо попытаться поставить что либо Метерлинка, вроде „Тайнъ души“.

— И этотъ репертуаръ будетъ одобренъ?—переспросилъ я.

— Ручаюсь въ томъ заранѣе.

— И мы будемъ все это тщательно репетировать?

— Несомнѣнно. И первымъ условіемъ къ выпуску афиши будетъ ваше удостовѣреніе, что спектакль можетъ состояться.

— Рѣшайтесь!—совѣтую отъ души.

— Хорошо, я согласенъ,—рѣшилъ я.

— Значить до перваго августа?

Мы пожали другъ другу руки. 31 іюня съ планами mise en scène въ чемоданѣ, съ рисунками и выписками изъ журналовъ, я ѣхалъ въ губернской городъ Энскъ.

II.

Сейчасъ-же по пріѣздѣ я отправился къ Валеріану Ивановичу. Я засталъ его въ саду. Одѣтый по домашнему, онъ трясъ груши къ великому удовольствію стоявшей тутъ же дѣтвора. Увидѣвъ меня, онъ издали протянулъ руки и закричалъ: „Поджидаемъ, поджидаемъ. Сегодня уже ходили встрѣчать“.

— Прибылъ по назначенію въ опредѣленный день.

— Ну, и отлично. У насъ общее собраніе членовъ драматической секціи. Но ничего особеннаго не ждите. Предстоитъ выбрать кой кого въ члены комитета, а затѣмъ выбрать новаго или (эти слова были сказаны нѣсколько конфиденціально) утвердить стараго предсѣдателя.

— А вы не думаете коснуться другихъ вопросовъ?

— Едва-ли будетъ что либо кромѣ выборовъ.

— Но почему-же?

— А вотъ, извольте полюбопытствовать.

Съ этими словами Валеріанъ Ивановичъ повелъ меня черезъ садъ на улицу и ткнулъ пальцемъ.

Черезъ дорогу на заборѣ висѣла громадная афиша, на которой было выведено полуаршинными буквами „Цыганка Занда“. Я подошелъ поближе. Афиша гласила, что 2-го августа въ городѣ Энскѣ въ театральномъ залѣ „Вѣна“ имѣетъ быть представлено подъ управленіемъ артиста Дунаева-Немирскаго и при благосклонномъ участіи, господъ мѣстныхъ любителей „Цыганка Занда“. Далѣе слѣдовалъ перечень фамилій, среди нихъ нѣсколько особенно громкихъ, очевидно псевдонимы.

— Это что-же, все ваши?—обратился я къ Валеріану Ивановичу.

— Наши, наши, какъ же,—добродушно отвѣчалъ онъ.— Завтра играютъ, сегодня репетируютъ.

— Генеральная репетиція должно быть.

— Ужъ тамъ считайте какъ хотите, а только сегодня никого изъ нихъ на засѣданіи не будетъ.

— Но почему же это въ помѣщеніи „Вѣна“, а не въ нашемъ залѣ?

— Помѣщеніе общества въ настоящую минуту ремонтируется. Да едва ли бы мы и сдали его съ этой цѣлью.

— Но это лучший залъ въ городѣ?

— Собственно говоря, трудно сказать, лучший ли это залъ. Нашъ единственный залъ дворянскихъ собраній подъ спектакли не сдается. Кромѣ городского и деревяннаго лѣтняго театра, никакихъ помѣщеній не имѣется. Волей-неволей приходится пользоваться „Вѣной“, которая, собственно говоря, имѣетъ своимъ назначеніемъ быть чѣмъ-то вродѣ петербургскихъ кухмистерскихъ залъ, сдаваемыхъ для свадебъ.

— А что это за анонсъ внизу „9-го августа состоится бенефисъ Александра Петровича Досуужева“. Это артистъ?

— Нѣтъ, нашъ же любитель.

— Что же это фирма или сборъ дѣйствительно поступаетъ въ его пользу?

— Въ его пользу исключительно.

— Гм! Странно! Любительскіе бенефисы. Никогда не слыхалъ объ этомъ.

— Да вотъ завтра пойдемъ на спектакль, тамъ сами обо всемъ съ ними потолкуете. А сейчасъ, поди, пора и на засѣданіе собираться. Вы знаете, я надумалъ сегодня пустить листъ съ опросомъ относительно амплуа. Все-таки интересно, кто что напишетъ.

Черезъ часъ мы входили въ помѣщеніе—искаго „общества любителей возвышенныхъ искусствъ“. Незатѣйливый двухъ-этажный каменный домикъ не отличался особенной пышностью и внутри. Небольшая передняя съ деревяннымъ карцеромъ съ надписью „касса“, затѣмъ три-четыре не очень просторныхъ комнаты внизу. Въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалась сцена, въ виду ремонта пробраться нельзя было. Нашъ предсѣдатель, Антонъ Ивановичъ Фокинъ,

шепнулъ мнѣ Валеріанъ Ивановичъ, подводя меня къ весьма маленькому пожилому господину въ золотомъ пенснѣ.

— Очень пріятно,—сказалъ тотъ съ прівѣтливой улыбкой потрясая мнѣ руку.—Давно пожаловали?

— Вотъ только что.

— Очень пріятно,—опять повторилъ онъ, снова пожимая мнѣ руку.—Пойдемте я представляю васъ кой кому изъ нашихъ любителей.

Первымъ долгомъ господинъ предсѣдатель подвелъ меня къ сидѣвшей въ дальнемъ углу пожилой, довольно полной дамѣ, со скудными, но тѣмъ не менѣе тщательно взбитыми волосами.

— Вотъ, Семирамида Павловна, нашъ новый режиссеръ—отрекомендовалъ онъ меня.

— Весьма пріятно,—сказала та, стараясь сдѣлать пріятную улыбку, но пріятная улыбка какъ-то не удалась и она снова сѣла съ обиженнымъ видомъ.

Затѣмъ меня подвели къ добродушной дамѣ, назвавшейся Перцовой. Она съ искреннимъ доброжелательствомъ пожала мнѣ руку и, какъ бы на что-то намекая сказала, что отъ всей души желаетъ успѣха. За ней сидѣла очень миленькая нѣсколько расплывшаяся блондинка. Мелькнуло еще нѣсколько женскихъ лицъ. Съ мужчинами пришлось знакомиться самому. Тутъ сразу привлекъ мое вниманіе высокій статный мужчина съ темнорусой бородкой. „Вѣроятно хорошій бытовикъ“ подумалъ я. Не онъ ли игралъ Демона? Впослѣдствіи я узналъ, что дѣйствительно не ошибся и что высокій мужчина, отчимъ блондинки, былъ общепризнаннымъ премьеромъ. Затѣмъ слѣдовалъ предсѣдатель драматической секціи, худощавый, бородатый мужчина съ чрезвычайно симпатичнымъ нѣсколько семинарскаго вида лицомъ. Далѣе слѣдовали еще и еще любители всѣхъ возрастовъ и повидимому весьма различныхъ социальныхъ положеній, въ особенности поразила меня наружность нѣкоего господина рахитичнаго вида съ крайне жалкой бородкой, напоминавшей аркашкины „перья“. Онъ постоянно пожималъ руки и какъ-то подхихикивалъ. На поношенномъ лѣтнемъ пиджачкѣ его красовался большой университетскій знакъ. Поразила меня и обстановка комнаты. Середина ея была занята какимъ-то громаднымъ столомъ, въ виду пред-

стоящаго ремонта тщательно перевязаннымъ рогожею. Неужели билліардъ? подумаль я. Не можетъ быть! съ какой стати будетъ онъ въ „обществѣ возвышенныхъ искусствъ“? Но въ это время взгляды мой упали на противоположную стѣну, гдѣ красовался длинный рядъ киевъ. Не было сомнѣній: мы находились въ билліардной.

— Господа, я думаю можно открыть собраніе, — вдругъ объявлялъ предсѣдатель секціи. Здѣсь тѣсно, предлагаю пройти въ буфетную.

Всѣ встали и направились по наложеннымъ доскамъ въ одну изъ крайнихъ комнатъ.

— Въ настоящую минуту, — началъ предсѣдатель, — вступаетъ въ исполненіе обязанностей приглашенный совѣтомъ старшинъ нашъ новый режиссеръ Никифоръ Никифоровичъ Викторовъ. Господинъ предсѣдатель общества и господа члены административной секціи изыщутъ способы къ возможно скорѣйшему окончанію работъ и мы будемъ имѣть возможность приступить къ репетиціямъ. Пока я предложилъ бы общему собранію выслушать намѣченный репертуаръ.

Водворилась полная тишина, и я прочелъ названія намѣченныхъ мною пьесъ съ краткой мотивировкой причинъ, заставившихъ остановиться на той или другой изъ нихъ. Выслушали меня съ полнѣйшимъ вниманіемъ и, какъ мнѣ показалось, даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Когда я кончилъ, предсѣдатель громко спросилъ о желаніи господъ членовъ секціи сдѣлать тѣ или инныя возраженія. Опять водворилось молчаніе. Тогда былъ поставленъ вопросъ о принятіи. „О да, принимаемъ!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. „Считаю репертуаръ принятымъ“, заявилъ предсѣдатель.

Затѣмъ юркій молодой человекъ, отрекомендованный мнѣ въ качествѣ секретаря драматической секціи, сталъ обходить всѣхъ съ листочками.

— Теперь пойдутъ выборы, которые, вѣроятно, и затянутся, сказалъ мнѣ Валеріанъ Ивановичъ.

Я поднялся уходить.

— Затѣмъ я предложу собранію, — снова возгласилъ предсѣдатель, — избрать нѣкоторыхъ лицъ въ комитетъ. А затѣмъ и предсѣдателя драматической секціи, ибо считаю срокъ моихъ полномочій истекшимъ.

— Просимъ, просимъ,—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Пока я медленно пробирался по доскамъ въ коридоръ, все еще слышалось „просимъ“ и „останьтесь“.

„Однако, мой Валеріанъ Ивановичъ если и не колдунъ, то отгадчикъ“, подумалъ я.

Въ концѣ коридора онъ нагналъ меня и сунулъ мнѣ сложенный вчетверо листъ. „Насчетъ амплуа-то я все-таки пустилъ, шепнулъ онъ.—Вы увлеклись репертуарнымъ вопросомъ и ничего и не замѣтили. Полюбопытствуйте“.

Сказавъ это, онъ снова юркнулъ по коридору, очевидно относясь крайне небезучасно къ результатамъ выборовъ.

— Что это за буфетная,—спросилъ я сторожа, помогавшаго мнѣ одѣться.

— Обыкновенно буфетъ.

— Съ напитками?

— А то какъ же-съ!

— И хорошо торгуешь?

— Больше тысячи аренды платить.

— Какой же расчетъ? Вѣдь онъ открытъ разъ въ недѣлю на спектакляхъ.

— Никакъ нѣтъ. Каждый день.

— Но это же въ будни бываетъ? Гости?

— Нѣтъ, гостей у насъ, такъ, можно сказать, что очень мало. Репетиціи ежедневно происходятъ. „Да это дѣйствительно будетъ задача“ подумалъ я—установить „извѣстный внутренний распорядокъ“.

Придя въ гостиницу, я первымъ долгомъ развернулъ, данный мнѣ Валеріаномъ Ивановичемъ листъ. Въ разсѣянности онъ далъ мнѣ одну половину его, гдѣ расписались дамы. Станный былъ составъ мѣстнаго кружка: почти противъ каждой фамиліи красовалось „героиня“. Для разнообразія кто то написалъ „инженю и героиня“, далѣе слѣдовало прямо: Маіорша въ „Маіоршѣ“ и Катерина въ „Грозѣ“. Противъ имени Семирамиды Павловны красовалось „характерная героиня“.

Что-то скажетъ завтрашній спектакль съ участіемъ „основныхъ силъ общества?“

Н. Викторовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).